
Ованес АЗНАУРЯН

SITUS INVERSUS

Повесть

А где же время года наше?
То, пятое... Неужто не придет?
«Письмо» Паруйр Севак¹

Situs inversus

* * *

Сентябрьским летом, когда утреннее солнце упрямо и нахально хотело проскользнуть сквозь шторы и подсмотреть их наготу, когда все еще невозможно было дышать, все еще сердце молотком отзывалось в ушах и все еще ничего не было понятно, как и всегда в жизни:

- Доброе утро, милый...
- Привет... Что с нами произошло?!
- Непонятно. А ты знаешь?

* * *

Они уже знали, что времени нет — дни растаяли, как сосульки, все уменьшаясь и уменьшаясь, пока не кончились совсем. И тогда, понимали они, закончится это сентябрьское лето. Сентябрьское лето — это не бабье лето, как многие, вероятно, думают. Ведь бабье лето в Ереване, например, наступает в октябре, когда после трехдневных дождей выглядывает солнце, и тогда ты вдруг понимаешь, что за эти три дня листья на деревьях покрылись позолотой... Сентябрьское лето — это просто продолжение августа. Разница лишь в том, что с какой-то еле уловимой тоской ты чувствуешь (именно чувствуешь!), что начинает вечереть раньше да виноград становится на вкус слаще обычного, августовского винограда...

Ованес Грачинович Азнаурян родился в 1974 году. Окончил Ереванский педагогический институт, факультет истории и основ права. Публиковался в изданиях: «Литературная Армения», «Кольцо А», «Эмигрантская лира», «Дружба народов», «Нева», «Гвидеон» (издательский проект «Русский Гулливер»), «Дарьял» и т. д. Автор книг «Симфония одиночества» (повести и рассказы, Ереван, 2010), «Симфония ожидания» (сочинения, Ереван, 2014). Дипломант 1 этапа международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль — 2012», участник Литературного фестиваля молодых писателей в Цахкадзоре (2012, 2013, 2014), участник международного фестиваля «Литературный Ковчег» (Армения, 2013, 2014), VII Форума переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии (Ереван, 2013), финалист литературной премии «Русский Гулливер». Член Клуба писателей Кавказа (2014). Живет в Ереване.

¹ Перевод В. Чембарцевой.

* * *

- Знаешь, — сказал Аво, — я подумал, что несчастье можно пережить. Счастье же почти никогда пережить невозможно. Это слишком огромно!
- Милый... — Она его поцеловала.

* * *

- Ты псих! Ненормальный какой-то! Неугомонный!
- Я псих! — с радостью согласился Аво. Аделька лежала на боку, подперев ладонью щеку, и смотрела, как он зашагал воодушевленно по номеру. — Джанс!! Да, я ненормальный. И дело совсем не в том, что я могу сам себе плоскогубцами вырвать ноющий зуб или, оставшись один дома, попытаться укоротить юбку жены, испортив ее навсегда (хоть и все делал правильно, но с расчетами ошибся!); или же дело не в том, что я однажды в детстве, насмотревшись мультиков, открыл большой дедушкин зонт и сиганул в окно, с третьего этажа вниз (но ведь почти ничего не случилось! Лишь лодыжку сломал! Значит, все делал правильно, лишь в расчетах ошибся...); дело не в том, что на даче в лесу я построил плот с большим белым парусом и честно отстаивал вахты у штурвала... Дело совсем не в том, что ты называешь меня психом — что мне, не скрою, очень приятно!.. Я действительно ненормальный, не такой, как все. У меня *Situs Inversus*². О, мне нравится, какие круглые глаза ты сделала сейчас. Да-да! У меня все наоборот. Даже сердце справа! Причем обнаружилось это совсем случайно, на медосмотре в военкомате. До того, когда школьные врачи профилактически «слушали» допотопным стетоскопом всех подряд, ничего не обнаружили и лишь говорили, что, мол, удары сердца приглушенные (конечно! Ведь его искали слева, а оно у меня не там!), посоветовав когда-нибудь, если побеспокоит, обратиться к врачу. Сердце меня не беспокоило. Совсем, до недавних пор... В военкомате же спохватились. «Невероятно!» — сказали военврачи. Правда, добавили, что проблемы с сердцем у меня все же есть, хоть это никак не связано с *Situs Inversus*. У меня какой-то желудочек сердца расширен из-за недостаточного поступления воздуха. Так что в армию меня не взяли, чему я рад (и дело тут совсем не в отсутствии патриотизма). Именно с тех пор у меня и появилось хобби. Записывался на прием в поликлинику, придумывая какое-то недомогание, требующее общего осмотра, и ждал, когда врачи поймут, что у меня все наоборот. Порой до смешного доходило! Ведь не сразу догадывались, а иногда и вовсе не понимали, в чем дело, пока не делали МРТ... Вот! Теперь ты понимаешь, джанс, почему, когда я тебя обнимаю и прижимаю к себе, наши сердца оказываются рядом, стараясь перестучать друг друга? Теперь понимаешь, почему, если прислушаться, они вместе выдают музыкальный размер в $\frac{3}{4}$? Так что, когда я обнимаю тебя, всегда получается вальс... Это когда я тебя обнимаю вот так!.. Хочешь кофе? Это твой маккофе, правда, без пенки и без узора, как ты любишь, потому что это не капучино.

* * *

- У нас четыре летних месяца, ты не знала? И пять времен года.

² Транспозиция внутренних органов (*situs inversus*) (также называемая зеркальным (обратным) расположением внутренних органов) — редкое врожденное состояние, в котором основные внутренние органы имеют зеркальное расположение по сравнению с их нормальным положением: верхушка сердца обращена вправо (сердце находится с правой стороны), печень расположена слева, желудок справа (Википедия).

* * *

- Почему ты меня нюхаешь?
 - Хочу определить, как ты пахнешь.
 - Ты этого не сделал еще до сих пор? За всю ночь?.. Определил?
 - Да.
 - И?
 - Ты пахнешь луной. И еще ванильными печеньями.
 - Я пахну луной, — повторила почему-то Аделька. — А чем пахнешь ты, Аво?
- Он подумал и ответил:
- Я пахну небом. И красками.

* * *

Они ничего не поели в тот день, только конфеты и плитку шоколада, что были почему-то у Адельки в сумочке, которыми и закусывали коньяк, который Аво принес с собой вчера вечером к ней в номер и... остался до утра. Они в тот день так и не вышли из номера. Много разговаривали, прерываясь лишь на то, чтоб заняться любовью. Говорили взахлеб, перебивая друг друга, дополняя, понимая и схватывая на лету, словно старались успеть дорассказать то, что не имели возможности рассказать до этих пор, потому что еще не были знакомы. Хотя... Теперь им казалось, что они были знакомы всю жизнь. Так ведь всем влюбленным кажется, что ли...

* * *

— ...Я ушла от него. Просто так взяла подушку, которую мне мама подарила, и ушла. Ночью. Наверное, как-то странно это выглядело: молодая, легко, не по погоде одетая женщина быстро шагает по ночным улицам с подушкой в руке... Потому что мне все надоело. И он надоел мне. И я устала жить. Я вообще не хотела жить. И просто ушла... Я две ночи провела в аэропорту. Нет, мне никого не хотелось видеть — ни подруг, ни знакомых. Было что-то успокаивающее в многочисленных пассажирах, ожидающих свои рейсы, в вечных уборщицах. Мне нравилось смотреть на встречающих, провожающих. Мне нравилось, глядя на них, придумывать их биографии, истории... Поскольку я решила, что моя жизнь закончилась, я стала жить жизнью этих незнакомых мне людей. А потом... Потом я позвонила другу отца, и он забрал меня. И сдал за полцены свою квартиру, которая пустовала...

* * *

Просто однажды сентябрьским летом, вечером, у гранитного парапета над Разданским ущельем во дворе церкви Святого Саргиса в Ереване случилось это:

- Привет! Меня зовут Аветис. Авик. Аво. Я... художник.
- Привет! А меня Ада. Аделя. Фотохудожник. Очень приятно...

* * *

Накануне вечером, специально заехав в бар «Сезанн», где работал Аво, Товмá сказал своему другу:

— Приходи! Хорошо? Отдохнешь от своей барной стойки. Хоть немного отдохнешь. Ведь ты художник, а не бармен.

— Уже не уверен насчет последнего, — вздохнул Аво, но обещал прийти.

Товма был в своей неизменной бейсболке и небритый. «Щетина у него совсем седая, — подумал Аво в которой раз. — А ведь когда Том бритый, совсем и не поймешь, что он поседел. И дело совсем не в лысом черепе — идеально круглом, как, впрочем, у нас у всех (как говорил футер? „Мы брахиоцефалы, мой мальчик, круглоголовые“). Товма просто не меняется. Уже несколько лет я его знаю, и он совсем не изменился...“. Странно было познакомиться с Томом и всеми остальными. Странно было, потому что они все были намного старше его — Том, Рубик, Арам. Но они познакомились и подружались. И самым младшим из них был Аво.

— Рубик тоже будет? — спросил он Товма.

— Конечно, будет. Как же мы без Рубика?

— А Арам? Что есть от Арама? У тебя есть сведения об Араме?

— Ничего. Как уехал в свой Капан, так и пропал. Знаешь. Это все же похоже на добровольную ссылку. Причем непонятно, за что он себя наказывает. Недавно в Капане был один мой знакомый. Общий знакомый. Говорит, Арам поступил работать учителем в одной из тамошних школ. Дурак!

— Но почему? — пожал плечами Аво. — Может, он нашел свой покой, и он счастлив? Кстати, а как Ашхен?

— Как может быть Ашхен? Как жена, которую с двумя детьми бросил муж. То есть паршиво. Дурак наш Арам.

— Не знаю...

— Вы, капанские, такие непредсказуемые и непонятные, — съязвил Том.

* * *

Молодая, очень красивая женщина сидела вполоборота на гранитном парапете над ущельем на виду церкви Святого Саргиса и смотрела на гору. На ней были терракотовое платье, туфли на каблуках, шелковый синий платок на шее, поднятые на голову солнечные очки. Остальные гости Товма, как понял Аво, были в церкви.

— Привет! Меня зовут Аветис. Авик. Аво. Я... художник.

— Привет! А меня Ада. Аделя. Фотохудожник. Очень приятно.

— Вы не хотите зайти в церковь? — спросил он.

— Я уже вышла оттуда, — сказала молодая женщина. — Не хочется пропустить вот это. — И она показала на розовый от заходящего солнца, словно смущенный чем-то, Арарат и акварельные облака на западе. — А у вас совсем лето еще.

— Да, лето, — кивнул Аво. — Но ведь скоро и ему придет конец. Так всегда бывает.

— А это не важно, — улыбнулась Аделя. — Никогда не важно, что будет потом. Важно то, что есть теперь.

— Интересно... — Аво внимательно посмотрел на нее. — Что же есть теперь?

Аделька снова рукой показала на гору:

— Вот это и есть.

— Интересно. — Аво закурил.

* * *

— Барев, Аво-джан.

— Барев, Рубо-джан.

— Ты с нами?

— Да. Том позвал.

— Это очень хорошо. Апрес.

Если Товма был вне времени, то Рубик постоянно путешествовал в этом времени — ему было то двадцать шесть, то шестьдесят шесть, а то и вовсе все девяносто. А потом что-то случалось, и Рубик в мгновение ока превращался в двадцатилетнего юношу. Рубик был в своем неизменном жилете с многочисленными карманами, словно позаимствованном у какого-то путешественника. И, по обыкновению, молчал больше, чем говорил.

* * *

На ужине сели рядом. Просто так получилось. И это развеселило их. К ним подошел Товма. Длинный. И родной. Аво всегда было уютно в доме у своего друга.

— Вы познакомились? По-настоящему? — сказал он Аделе и Аво. — Я думал, что вас надо как-то свести обязательно. Что вы можете оказаться интересны друг другу... — и мило улыбнулся.

— Спасибо, Том. Мы сами, как видите, познакомились, — ответила Аделя, весело улыбнувшись. — Сядете с нами? Присоединяйтесь! Аветис как раз проводит урок всемирной истории.

— Нет, спасибо. Я пойду к остальным гостям. Погода меняется — что-то давление скачет... — А потом Авику, уже на армянском: — Хорошо, что пришел, Аво. Апрес! Рад!

* * *

А потом случилось это. Сентябрьским летом, когда утреннее солнце упрямо и нахально хотело проскользнуть сквозь шторы и подсмотреть их наготу, когда все еще невозможно было дышать, все еще сердце молотком отзывалось в ушах и все еще ничего не было понятно, как и всегда в жизни:

— Доброе утро, милый...

— Привет... Что с нами произошло?!

— Непонятно. А ты знаешь?

* * *

— Так вот, милый. Если ты начнешь помогать мне со сборами чемодана, мы Армении сегодня не посмотрим, и я не сфотографирую в итоге ничего. Иди погуляй немного. Поздоровайся с Енгибаровым³. Пококетничай с девушкой из ресепшна.

— Ты меня прогоняешь?!

— Тебя, видимо, еще долго не получится прогнать, — вздохнула, улыбаясь, Аделя. — Просто иди погуляй. Дай мне собрать вещи.

* * *

Эджмиацин, Звартноц, Гарни, Гехард, Ошакан, Севан, Норатус, Нораванк...

— Как вы можете жить в окружении стольких церквей?! Вы должны быть все святыми! Как вы можете жить с осознанием того, что первые церкви на Земле построены именно у вас?!

И дальше — дорогой вверх, вверх, под самое поднебесье, совсем близко к облакам, совсем чуть-чуть не достигая Бога...

³ В Цахкадзоре находится памятник Л. Енгибарову (скульптор Д. Минасян).

* * *

Когда пешком поднимались на лысое плато, утыканное камнями, как зубами дракона — Зорац Карер⁴, — Аво показал на высоковольтные столбы и сказал, что от них умирают медведи.

— В смысле? — удивилась Аделя, щелкнув пару раз из своей камеры далекие столбы.

— Слышишь, как жужжат провода?

— Да.

— Оказывается, частота этого жужжания точь-в-точь совпадает с частотой жужжания пчел. И медведи вон с тех лесов думают, что на столбах мед. Они поднимаются, и их бьет током.

— Ты заливаешь, Гулянячик! Не может быть такого!

— Все нет, — сказал Аво. — Все взаправду. Глупые они — мишки!

— Они просто доверчивые, — сказала Аделька грустно.

— Вот вороны умные, — почему-то сказал Аво. — Они смекалистые. Не то что медведи, которые лезут на высоковольтные столбы и умирают.

— Перестань!

Дойдя до плато, стали смотреть камни. Аво рассказывал Адельке, что у ученых разное мнение об этих камнях. Вероятнее всего, эти камни были храмом главного бога древних армян Ар-а (Солнца) и Тира, «секретаря» его — покровителя наук и письменности. Что эти камни были точнейшей обсерваторией, позволяющей производить измерения с точностью до двух секунд. Что памятник этот построен более 7500 лет тому назад, то есть за 3500 лет до Стоунхенджа.

— Как ты все это запоминаешь? — удивилась Аделя.

— То, что люблю, запоминаю, чтоб не забыть, — был ответ.

— Знаешь, я была в Стоунхендже. Но там не было дырок в камнях.

— А здесь есть, — почему-то упрямо сказал Авик. — Чтоб на звезды смотреть через эти дырки, как в телескоп. Понятно? И еще тут медведи поднимаются на столбы и погибают...

— Тебя заклинило на этих медведях? — уже рассердилась Аделька.

— Иногда мне кажется, что ты высоковольтный столб. А я медведь... И ты убьешь меня...

— Вот уж спасибо!! — обиделась Аделька. Но потом сказала: — Да, ты прав, я тебя убью. Но я обязательно тебя воскрешу потом. Как Изиды Осириса.

— Или как Шамирам Ара Прекрасного.

* * *

Низко пролетали облака, и казалось, вот-вот зацепятся за те деревья в низине; солнце же обдавало тебя фиолетом, и ты кожей чувствовал, как загорают лицо, плечи, руки.

— Почему в армянском в конце слова добавляют «с»? Режет слух.

— Это и должно резать слух. Смотри, — сказал Аво, улыбнувшись. — «С» в конце слова заменяет притяжательное местоимение «мой/моя» первого лица. Скажем, «джанс» — «моя джан». Понимаешь?

— Понимаю, — кивнула Аделя. — Как будет по-армянски солнце?

— Арев.

— Можно будет сказать «аревс»?

⁴ Зорац-Карер (*арм.* — камни воинов, каменное войско) — древний мегалитический комплекс (Википедия). Переводится название также как «камни силы».

- Да...
- Аревс, — повторила Аделя. — Сердце?
- Сирт.
- Сиртс. Душа?
- Хоги.
- Хогис. Жизнь?
- Кянк.
- Кянкс...
- Ты записываешь слова в блокнот? Зачем?
- Чтоб сказать тебе: джанс, аревс, сиртс, хогис, кянкс!

У Авика сделались круглые глаза.

- Есть еще одно слово. Сер⁵.
- Что оно означает?
- Пока неважно. Запиши в свой блокнот и скажи.

Аделька записала слово и произнесла:

- Серс.
- У тебя премилое произношение, Аделя. Пойдем. Солнце скроется скоро за облаками, и станет холодно. Мы же очень высоко. А жакет ты не взяла.

* * *

— «Авос» — это будет означать «мой Аво»? — спросила Аделя. — Так можно сказать?

- Да. Это тоже запишешь в блокнот?
- Твое имя я еще не забыла.
- Спасибо!

Аделя рассмеялась и взяла его под руку.

- Ты чего такой злой сегодня? Потому что я прогнала тебя утром?
- Да нет... Наверное, вспышки на солнце...
- Авос, серс! — сказала Аделька.

— Ты же не знаешь еще, что это слово означает! — сказал Авик, пожав плечами.

Аделя улыбнулась, как улыбаются трудным, капризным детям, и сказала:

— Знаю, что означает. Я поняла. Я догадалась! Авос! Серс! И ты очень хороший!

— Я трудный, — сказал Авик и поцеловал ее в висок. — Армения тоже трудная. — И вспомнил: «Армения — потусторонняя страна». Это придумала Аделя.

* * *

Снова поехали. Снова были небо и облака, снова были горы. А потом пейзаж вокруг стал меняться. Стало больше лесов, и облака поднялись выше. Над ущельем справа парил орел, делая большие круги, и казалось, сопровождал машину и оберегал ее.

— Там внизу река? — спросила Аделька.

— Да. Воротан называется. «Ворот» — гром, «воротан» — громыхающая. И мы едем в Татев. Кстати, у тебя нет боязни высоты?

— Нет. А у тебя?

— Есть, — вздохнул Аво. — Но это ничего. Рубик научил меня, как с ней справляться.

⁵ Сер (арм.) — любовь.

* * *

Дедушка однажды забыл меня одного на даче, и я чуть было не сорвался с обрыва. Понимаешь, дедушка взял меня с собой на дачу — полить яблони в саду, огород, собрать лоби. С утра еще. Мне было десять лет, и я помогал дедушке, как мог, хотя больше играл, но слушал его внимательно (так что я, например, знаю, как правильно поливать клубнику). А потом к нам в гости зашел сосед по даче, Гарник-даи, односельчанин деда, приблизительно одного с ним возраста. И принес с собой тутовку. И они стали выпивать. Я продолжал возиться в огороде, потом что-то подустал, лег отдохнуть под яблоней и заснул... Когда проснулся, была уже ночь. И дедушки с соседом-односельчанином нигде не было. Не найдя деда и в доме, я понял, что он просто меня забыл и уехал из дачного поселка... Сначала я очень испугался и заплакал. Чего больше всего боится ребенок? Да, что его забудут... Но потом упрямство взяло вверх. Я благодаря лампочке, горевшей на веранде дома и карманному фонарю, стал собирать лоби! И тогда взорвалась гроза, и стало очень холодно, но я не прекращал собирать лоби. Все собирал, собирал и вдруг, споткнувшись о камень, покатился по мокрой траве к обрыву — именно со стороны обрыва забор-то и упал, еще зимой, а деду все никак охоты не было починить. В последнюю секунду мне удалось зацепиться за какой-то крюк, и я повис над обрывом, с ужасом смотря на реку, чернеющую внизу... Я спасся... Лоби я все-таки собрал весь — получился целый мешок! И, заперев ворота дачи, пошел по шоссе, с мешком на плече. Вскоре меня подобрал грузовик. Я сказал водителю, что моему деду стало плохо, и он на машине друга срочно уехал в село, в Арцваник — я точно знал, что дедушка не вернулся в город, в Капан: ведь бабушка НАПОМНИЛА бы ему, что он потерял внука! И он бы уже давно забрал меня.

- Моего дедушку зовут Ашот Смбаич. Знаете?
- Конечно, знаю, — пожал плечами водитель грузовика.
- Он поехал с Гарником-даи. Знаете его?
- Конечно, знаю. — Водитель снова пожал плечами.
- Мой дедушка у Гарника-даи дома, в Арцванике.
- Ну, поедem, посмотрим.

Я тебе точно могу сказать, что я знаю, как это бывает, когда говорят: «Ужас был написан на его лице». И именно абсолютный, тотальный ужас я прочел на лице деда, когда он увидел меня, промокшего насквозь, с тяжелым мешком на плече, поднимающегося по деревянным лестницам сельского дома Гарника-даи на веранду, где он сидел за столом с шашлыком и тутовой водкой.

— Ашот-папи! Я все лоби собрал! — закричал я и подумал: «Бабушка его убьет, если узнает».

Я бабушке так никогда ничего и не рассказал

* * *

Слушай! Бабушка плохо видела, а дедушка плохо слышал. Помню, как они смотрели «Адъютант его превосходительства». Бабушка громко пересказывала диалоги, а дед объяснял, кто есть кто (ведь там все в формах, и не различишь). В итоге они ругались, потому что дедушке казалось, что бабушка не все диалоги ему в ухо орет, а бабушка не соглашалась с тем, что она, мол, не различает актеров и что дед сам всех путает. В конце концов они вырубали телевизор и всячески начинали демонстрировать друг другу полнейший игнор (дед утыкался в газету, а бабу принималась вязать, сердито сдвинув брови и бормоча под носом проклятия, которые порой могли

быть адресованы родственникам деда, живущим еще в начале прошлого, XX века). Наконец дед не выдерживал и, голосом, хоть и просящим, но ни в коем случае не теряющим достоинство, произносил:

— Елен, а дай-ка мне чаю.

Бабушка фыркала:

— Ашот! Сам встанешь и нальешь себе чай! — и продолжала тише: — У вашей семьи не было даже денег, чтоб кошку держать, не то чтобы корову, хоть одну!

Неизвестно, слышал все это дед, или нет, но он начинал смеяться.

— Ну, давай выпьем чаю, и ты мне расскажешь, что сказал этот айдутант своему начальнику.

— Это был не айдутант! Это был сам начальник!! И чая ты не получишь!

И дед снова начинал смеяться. И мы тоже смеялись над тем, как дед с бабу ссорят-ся. Это было детство... Наверное, детство было самым счастливым временем года.

* * *

— Ты потрясающий рассказчик! Ты потрясающий любовник! Откуда ты взялся на мою голову?

— Ты же знаешь. С неба...

— Скажите, пожалуйста! Что же ты хочешь от меня, такой небесный? Ты похож на несносного ребенка!

— Я хочу остаться в тебе!

— Остаться нельзя, милый. Будут маленькие гулянячки...

* * *

— Привет! Меня зовут Аветис. Авик. Аво. Я... художник.

— Привет! А меня Ада. Аделя. Фотохудожник. Очень приятно.

* * *

На банкете, который давал Товма в честь гостей, Аво выпил. Не так чтобы очень, но выпил. От этого казалось, что он стал еще более худым и упрямым. И прозрачным. Невесомым. Не пропустил ни одного танца, причем танцевал исключительно с дамами старше пятидесяти лет. Со стороны это выглядело очень потешно: молодой, тридцатилетний, худой, хрупкий Аво и дамы, мягко говоря, преклонного возраста. Аво выпендривался, изображая страстную любовь ко всем партнершам. Все смеялись. А он краешком глаза смотрел в сторону Адельки. Та смеялась, как и остальные. Вернее, не как остальные. Она смеялась понимающе. Когда банкет все же стал иссякать, и гости начали расходиться, Аделька подошла к выдохшемуся Авику, поцеловала его в щеку и сказала:

— Это было здорово! Молодец! Я тронута.

Она ушла. Авик хлопнул еще рюмку. Откуда-то вырос над головой Товма.

— Вот и все, братик. Завтра уже гости уедут. А Ада Максимова останется фотографировать для своего журнала Армению. — У Товма были страшные красные глаза, и сам он тоже весь был красный.

«Давление у него опять, что ли?» — подумал Аво, но ничего не сказал. Посидел еще минут десять с подошедшим Рубиком, который говорил о том, что Арам, мол, дезертир, уехав в свой Капан, что нужно бороться в самой гуще событий. Правда, Аво не совсем понял, против кого именно надо бороться, и Рубик разъяснил:

— В конце концов надо будет сделать выбор: ты путинист, или антипутинист. Вот что я тебе скажу, Аво-джан.

— Зачем? Это как-то изменит мои картины? Мою жизнь?

Авик ушел. По дороге домой он то и дело заглядывал в свой телефон. Аделька была онлайн — манящим и дразнящим зеленым значком, рядом с именем.

* * *

— Доброе утро, милый...

— Привет... Что с нами произошло?!

— Непонятно. А ты знаешь?

— Да... Мы идиоты. Но мне понравилось...

* * *

Орел по-прежнему кружил над ущельем. И внизу по-прежнему гроыхал Воротан. Слышно было, как свистит ветер, и видны были далеко внизу развалины древней крепости. А потом Аделька ахнула, увидев впереди, еще сверху, с канатки Татевский монастырь. Аво стал рассказывать про монастырь. Когда они уже позже сели на траве, рядом с качающимся столбом, Аво продолжил:

— Столб этот воздвигли в самом начале десятого века. Смотри: он восьмигранный, верхушка увенчана хачкаром, и опирается он на восьмигранный же пьедестал. Это ж надо было так ювелирно все просчитать в те далекие времена, чтоб найти точное соответствие между тяжестью и объемом! Это соответствие и позволяет столбу находиться в вертикальном положении. Да еще и столб этот расположен на шарнире, что позволяет ему раскачиваться. Поэтому колонна эта и называется живым посохом, гавазаном. При малейшем землетрясении она приходила в движение, и тогда монахи предупреждали жителей соседних деревень, что земля «неспокойна». Также столб этот начинал вибрировать при приближении вражеской конницы.

— Мы были в стольких местах. Столько видели. Но нет, не было ничего светлее и прекраснее Татевского монастыря! — сказала Аделька. — Это нереально, Аво! Все нереально. И это все чудо. Все, что мы видели, чудо!

— Это правда, — согласился Аво. — Как ты сказала? «Армения — потусторонняя страна»? Это тоже правда.

— Вот именно! И мне кажется, я попала в какой-то параллельный мир. Где-то есть остальной мир, а вот тут — Армения. И она ни на что другое не похожа в этом мире. И это завораживает. И это иногда пугает. Сейчас объясню. У тебя мобильный? Так вот: он тут кажется нелепым! Ты прав, Авикс: времени нет. Потому что в этом нашем зазеркалье времени не бывает и не может быть никогда. Тут стрелки часов показывали и показывают всегда на «вечность»...

— С тобой, — сказал Аво, — у меня такое же чувство.

— В смысле?

— Ты — для меня как Армения. Потусторонняя. Нереальная. И все эти дни для меня были не такими, как остальные. Не так расположенные. Ты уедешь, и я вернусь в серые будни за стойкой бара — моей тюрьмы. Понимаешь?

— Понимаю, — сказала Аделька. — Ведь я уже знаю, что такое *situs inversus* — зеркальное расположение. И «не такое, как у всех».

— Ты это... переборщила...

— Вовсе нет!

Когда на канатной дороге («самая длинная в мире!») ехали обратно к машине, Аделька опять увидела парящего над ущельем орла. «Запомни, — приказала она себе. — Времени нет. Оно не существует. Если не веришь, спроси у своего любовника еще раз. Спроси у этого невозмутимого и мудрого, как эти горы, орла, который, вероятно, посылает тебе знак о чем-то важном. Если не веришь, спроси сердце свое!»

— Сердце мое... — сказала она вслух.

— Ты все-таки боишься высоты? — забеспокоился ее любовник. — Хочешь, расскажу, как Рубик научил меня не бояться высоты?

— Нет, Аво. Я это говорила тебе: сердце мое, сиртс!

— Тогда все в порядке?

— Конечно!

* * *

На обратной дороге в Ереван Аделя заснула. И не видела, как после поворота, на спуске после Зангакатуна, когда синие сумерки только-только опустились над равниной, там, за Араксом, вдруг появилась вершина Горы.

* * *

— Умирать не надо, — сказала Аделька. — Надо жить. Другой альтернативы у нас нет. Смерть — не альтернатива. Смерть — это дезертирство. Видишь ли, милый, боги не могут совершить самоубийство. Они бессмертны. Стань богом! Пожалуйста...

— Земфирно у тебя как-то получилось, — улыбнулся Аво. — Стать богом после того, как ты меня убьешь? Помнишь медведей? А помнишь Изиду и Осириса?

Аделька рассмеялась:

— Шамирам и Ара Прекрасного тоже помню. Затнись, пожалуйста! — и поцеловала, укусив его губу. — Укусила — хорошо сделала! Трам-пам-пам!

* * *

Когда Аделя села в такси и уехала в аэропорт, заморосил дождь. Первый осенний дождь. И Аво понял, что теперь с этим ему придется жить — все время говорить с ней в уме, отчаянно ждать, когда она появится в сети, и ждать снова, потом ждать еще... Мучение — ждать вообще, а особенно ждать неизвестности.

Моросил дождь. И был еще этот соленый вкус крови во рту. И он вспомнил:

— Привет! Меня зовут Аветис. Авик. Аво. Я... художник.

— Привет! А меня Ада. Аделя. Фотохудожник. Очень приятно...

Situs Solitus⁶

* * *

И уже через месяц пошли дожди, и по-настоящему наступила осень. Теперь сентябрьское лето казалось и вовсе чем-то далеким, нереальным и «не бывшим никогда на самом деле». Вообще время настолько относительно, что даже глупо о нем говорить. Что же говорить о воспоминаниях, которые это время переламывает, искажает,

⁶ Нормальное расположение внутренних органов называется *situs solitus* (Википедия).

а порой и вовсе растворяет! Таким образом, прошлое становится чем-то потусторонним, а понятия «раньше и потом» видоизменяются на столько, что можно сойти с ума.

Раньше было ни хорошо, ни плохо. Раньше было просто раньше. И «раньше» не имеет ничего общего с тем, что есть «теперь». Это как с прошлыми жизнями. Мало что помнишь. А если и вспомнишь что-то, то обязательно удивись в душе: «Неужели это был я?!»

* * *

«А до того, как побывал во мне, как ты это представлял? По-другому?»

«Уже не знаю, уже не представляю, как это было, что я не бывал в тебе. Это была какая-то прошлая жизнь, но я ее плохо помню; обычно ведь не помнишь свои прошлые жизни...» (Отправлено: 5/10, 9:30. Доставлено: 5/10, 9:31)

* * *

Художник Аветис Гуланян (или, как большинство знало его, бармен кафе «Сезанн» Аво) теперь сидел в сквере перед консерваторией. На мокрой скамейке. Под морозящим дождем. Катастрофически быстро — казалось, что прямо на глазах — желтели листья на платанах и падали на зеленую траву лужаек. Комитас⁷ не казался сумасшедшим — впрочем, он никогда не казался таковым в его восприятиях, — а просто еще более грустным, вернее, от дождя мрачным, что ли, *разочаровавшимся в чем-то*. Батарейка в телефоне неумолимо садилась, но он то и дело заглядывал в него, чтоб удостовериться, пришла ли Аделя. На ветках деревьев сидели вороны, но не каркали и, казалось, тоже чего-то ожидали. Как и он, как и Комитас, как и мокрый город.

Аво смотрел в телефон, потом на Комитаса, потом на ворон и думал о том, какие вороны умные. Вороны с высоты бросают орех или желудь на землю, разбивая таким образом свой трофей, ибо разгрызть не имеют возможности. А однажды Аво увидел интересную вещь. Ворона билась, билась и никак не могла разбить орех. Она бросала его все с большей высоты на площадку перед входом в здание, снова и снова, но ничего не получалось. Каждый раз ворона разочарованно каркала, но упрямо «подбирала» орех и опять вылетала на «бомбардировку». Ничего не добившись, она, подустав, села на фонарный столб и стала смотреть на проезжающие автомобили. На перекресток. И вот тут-то ее, осенило. Держа в клюве орех, она слетела с фонаря и, «положив» (не бросив, а именно положив) орех на проезжую часть, вернулась на фонарный столб и стала ждать. Первая же маршрутка расплющила орех. Победно каркнув, ворона подождала, когда на светофоре зажжется красный свет и машины остановятся, быстро склевала осколки-кусочки-пыль ореха и улетела. «Вороны умные, — подумал он, вспомнив тот случай, — а медведи — нет!» И снова посмотрел в телефон. Ее по-прежнему не было. И сообщение его не было «прочтено».

⁷ Комитас (настоящее имя Согомон Геворк Согомонян; 26 сентября 1869, Кютахья, Османская империя — 22 октября 1935, Вильжюиф, Франция) — армянский композитор, музыковед, фольклорист, певец и хоровой дирижер... В апреле 1915 года в Турции вместе с целым рядом выдающихся армянских писателей, публицистов, врачей, юристов был арестован и Комитас. Пережитый кошмар оставил глубокий, неизгладимый отпечаток в его душе. Комитас уединился от внешнего мира, укрылся в своих мрачных и тяжелых думах — сломленный и печальный. Гений армянской музыки нашел свое последнее пристанище под Парижем, в лечебнице городка Вильжюиф, проведя там почти 20 лет (Википедия). Памятник Комитасу установлен в Ереване, в сквере перед консерваторией, носящей его имя.

А потом пошел настоящий дождь. «Капли дождя похожи на всхлип», — подумал Авик. Он понял, что она уже не придет. Как и каждый раз. Что-то случилось, и он понимал, что она не придет. Он это определял по каким-то особым, только ему понятным знакам. И она не приходила. Но он очень ждал ее, и каждый раз приходил в сквер перед консерваторией, и садился на скамейку. Ждал в телефоне. И вот теперь, когда пошел настоящий дождь, он встал, поднял воротник плаща и ушел. Кстати, сквер перед консерваторией, на площади Франции, был единственным, где они с Аделькой не были. Почти во всех скверах и парках были, а вот в скверике перед консерваторией — нет. Теперь, уходя, Аво подумал, что когда-нибудь он «познакомит» ее с Комитасом (когда?!). И у него снова забьется сердце.

* * *

«Сердце осталось в твоём чемодане. Ты увезла его, и у меня осталась лишь душа, которая пахнет тобою. Моя душа пахнет тобою! А я остался без сердца. Но я не против: сердце должно всегда где-то быть или у кого-нибудь. Иначе зачем оно?» (Отправлено: 10/10 23:55. Доставлено: 10/10 23:56)

* * *

«Меня распирает, и мне хочется кричать о своей любви на площади!» (Отправлено: 17/10 14:52. Доставлено: 17/10 14:53)

«Мне тоже хочется кричать, милый. Но... я бы не хотела, чтоб поползли сплетни».

«Конечно! Мы будем вести себя ниже травы, тише воды. Мы будем тихими любовниками». (Отправлено: 17/10 14:56. Доставлено: 17/10 14:57)

* * *

Она, конечно, предполагала, что подруги будут ее пытаться, приглашая в «Две палочки» — побаловать себя суши, роллами и всем таким прочим, — но такой нездоровый интерес Аделька не предвидела, видит Бог!

— Так, стало быть, у нас теперь появился армянин. Он что, особенный? Не могла армянина найти тут? Их же полно здесь! Больше, чем в Армении! — сказала одна из подруг, замужня.

— Он особенный! — Аделька сделала круглые глаза. — У него э... situs inversus! Вот!

— Венерическое?! — взвизгнула вторая подруга, незамужняя. — Не смей прикасаться ко мне! Прикоснешься, голову проломаю!

— Да угомонитесь вы! — охнула Аделька, скрывая то обстоятельство, что сама еще совсем недавно ничего не слышала о людях с зеркальным расположением органов. — Нормальный парень. Художник. Просто чокнутый немного.

— Это ничего, — сказала замужня. — Нам не привыкать. Мы ж тебя терпим, нашу чокнутую. Потерпим и его. Он приедет?

— Нет.

— А ты к нему?

— Нет... Пока нет.

— Что же будете делать?

— Не знаю. Вообще, ничего не знаю.

— Как все это грустно! — наполнила глаза слезами незамужняя. — Все любви грустные.

А Аделька ничего не сказала. Только вот несносным чертом в голове закружилась мысль: «В следующем году тебе будет тридцать пять. Будет тридцать пять. Тридцать пять! И скоро ты не сможешь рожать! Ох, Авикс! Время есть! Оно существует! От времени стареешь...»

* * *

17 октября выпал первый снег. Была пятница. И ужасно не хотелось выполнять из дома, тем более ходить на работу. Она всегда хотела быть свободным фотохудожником, но вот приходилось работать на журнал для денег. И снимать всякую «х-ю»...

Встала с постели, подошла к окну. Босиком. Шел снег. Действительно, шел снег. Мелкий, мокрый. Холодно, наверное, подумала она, мерзко. Поежилась. Посмотрела на телефон, который валялся в постели, рядом с подушкой. Знала, что там эсмэс от Авика, но не захотела взять. Подумала, выключить вообще к черту мобильник, но смекнула, что выключить, не прочитав сообщение во всплывающем окне, не получится, и отказалась от этой затеи. Стало тоскливее. Ей в последнее время часто бывало тоскливо. Она тосковала по Авику. Она с удивлением обнаруживала в себе тоску по Армении. «А ведь предупреждал черт — Арменией заболеваешь!» — вспомнила она. И потом в голове стали всплывать рассказы Авика. Персонажи, ситуации обволакивали душу, словно теплые стебли винограда, и накрывали ее. Аделя даже сердилась: «Зачем я все это запомнила? Ведь я не знаю никого из тех людей. И несмотря на это, они кажутся родными. Вот спросит меня кто-нибудь, кем была бабушка Нино, сразу отвечу: сестрой бабушки Авика! Поразительно! Зачем?!» Она теперь так и слышала чуть замедленный, чуть дрожащий Авикин голос.

* * *

Слушай! У бабушки были двоюродные сестры-близняшки — Нино-баджи⁸ и Араксик-баджи, внешне очень некрасивые и абсолютно идентичные. Однажды Нино-баджи приезжает в Ереван из Капана и, естественно, не упускает случая сходить в «Детский мир» («Детский мир» находился в конце улицы Абовяна, там, где теперь «Марко Поло» и «Square One». Помнишь? У площади). Между первым и вторым этажами этого самого «Детского мира» было огромное во всю стену зеркало. И вот близорукая Нино-баджи поднимается по широким мраморным лестницам «Детского мира» и, увидев свое отражение в зеркале, восклицает:

— Пуй! Араксик!! Ты что здесь делаешь? Ты ж в Капана осталась!

* * *

Мальчик, наигравшись машинками, загнав их в «гаражи», бежит к бабушке в кухню:

— Татик⁹! А папик¹⁰ принесет мне в подарок цыпленка?

— Конечно, твой папик же дрехтор птицефабрики!

— Я хочу цыпленка. Очень!

— Ты ему напомни. Он, может, и забыл. Он же дрехтор. У него много дел.

Мальчик бежит в комнату, где сидит в кресле дед, недавно вернувшийся с работы, уже, однако, поужинавший и мирно дремлющий над газетой, перед телевизором.

⁸ Баджи (турк.) — сестра.

⁹ Татик (арм.) — бабушка.

¹⁰ Папик (арм.) — дедушка.

— Папик!! Ты принесешь мне в подарок цыпленка? Когда? Ты ж обещал!

Дед вздрагивает, просыпается, роняет с колен газету, которую он «читал», потом улыбается:

— Надо же, совсем забыл! В машине осталась коробка!

— Какая коробка, папик?!

— От торта, — отвечает дед и смеется загадочно.

Через пять минут раздается звонок в дверь, и шофер деда, подмигивая золотым зубом, приносит маленькую коробочку. Коробочка действительно как из-под торта, да к тому же перевязана красной ленточкой с бантиком. Но мальчик почему-то уверен, что внутри коробочки вовсе не торт, когда с замиранием сердца берет ее в руки.

* * *

Дедушку их звали Ашот Смбатич, которому было девяносто девять лет, когда он умер, не дожив до столетия три месяца. Когда дедушке Ашоту было еще девяносто восемь лет, рассказывал двоюродный брат Авика, Марат, он много и упорно что-то писал. Дрожащим, но понятным красивым почерком. Исписал страниц десять-пятнадцать. Страницы аккуратно вложил в конверт, заклеил.

— Это нужно отдать марзпету¹¹, — сказал он внуку Марату, у которого тоже уже были внуки — тот пришел навещать старика.

— Хорошо. Через час вернусь, отвезу.

Когда Марат, выпив чаю, ушел, дедушка оделся и сам вышел из дома. Спустя час Марат, не застав деда дома, поехал к резиденции губернатора на своем стареньком «опеле». Старик сидел на скамейке в парке, говорил с другими стариками.

Внук, у которого тоже уже были внуки, рассердился на старика:

— Ашот-папи! Не дождался меня? Где же конверт?

Старик ответил, смеясь:

— Я отдал одному из молодых, они и отнесли марзпету от меня. Да вот — Сурен и сбегал...

Двоюродный брат Авика, у которого тоже уже были внуки, посмотрел на Сурена. «Молодому» Сурену было семьдесят пять лет. «Молодой! — подумал Марат. — Ну, конечно, по сравнению с девяностовосьмилетним дедушкой, Сурен, конечно, молодой!»

* * *

Когда Аделя уже готова была выйти из дома, представляя уличную слякоть, душный метрополитен, неожиданно зазвонил мобильник. «Сумасшедший все же позвонил!» — подумала Аделька и полезла в карман. Она была несколько разочарована, увидев на дисплее имя «Сергей».

— Привет, — услышала она далекий во всех смыслах голос. — Я как раз в ваших краях. И еду в другие ваши края. Тебя подбросить?

И не хотелось, и хотелось. В итоге, посмотрев еще раз в окно — мерзко-то как! — Аделя согласилась:

— Я сейчас уже выхожу. Ты скоро будешь?

— Да я уже на твоей улице.

Заходя в лифт, Аделька удивилась тому, что Сережа все еще не забыл ее адреса. Почувствовала некоторый дискомфорт — как будто шла на встречу с призраком из прошлого.

¹¹ Марзпет (арм.) — губернатор.

— Привет, Сереж! Ты очень кстати! Мерзость, а не погода! — сказала Аделя, садясь в машину.

— А хочешь, я каждое утро буду за тобой заезжать? — воодушевился Сергей и поцеловал ее.

— Нет, не стоит, — был дан ответ. — Я не смогу это объяснить маме.

— Слушай! — начал было жестикулировать Сергей. — Ты уже не маленькая!

— И все же... Давай поедем.

Поехали. Сережа все время что-то горячо говорил, размахивал то одной, то другой рукой, а то и обеими руками, совершенно забыв про руль, но Аделя не слушала его. Смотрела все в окно и ничего не видела. Зафиксировала лишь Армянский переулок... Вдруг, неожиданно очнувшись, «вернувшись», Аделя произнесла:

— Высади меня, пожалуйста, у метро. Оттуда я уже пешком.

— Но почему? — удивился Сергей. — Какие проблемы вообще?

— Не хочу, чтоб из редакции кто-то засек, что ты меня подвозил. Мы ж с тобой люди известные. Зачем нам сплетни?

— Ты больная, Аделя! Лечись! — расвирипел Сергей, хоть и испугался своих слов. И вообще он боялся Адельки, и она это знала.

— Просто выпусти меня, Сереж. Спасибо...

Аделя зашла в редакцию журнала, стала снимать куртку, и тут, конечно, шеф — сразу, с ходу, наотмашь, блеснув стеклышками круглых, старомодных очков:

— Сергей за вами опять ухаживает? Интересненько!

— Ничего он не ухаживает! — огрызнулась Аделя сердито. — Он просто подбросил меня.

— Подбросил. Поймал. Забросил. Бросил, — пробурчал шеф и снова уткнулся в свою газету.

«Старый черт! — подумала Аделя. — Увидел-таки!»

— Ада, — шеф опять оторвался от своей газеты и снова блеснул очками, — а мы так и не поняли: вы путинист или антипутинист?

— Это что? Сегодня моя очередь быть в центре внимания? — Аделя уже по-настоящему сердилась. — Я не путинист и не антипутинист. Я фотожурналист! И еще я не трахаюсь с Сергеем, у меня никогда не было любовной связи с Мариной, и с вами я никогда не «перепихнусь», как бы вы ни намекали. Вы толстый и старый. И еще плохой журналист. Теперь все?

Шеф круглыми глазами смотрел на нее и ничего не смог ответить, а Ада вышла приготовить себе кофе. Тогда она и прочла эсэмэс от Авика: «Закончил вторую картину. Я понял, почему я пишу картины. Я таким образом «вспоминаю» нас. Когда сердце совсем уже исходит тоской по тебе, когда дергается внутри меня, готовое взорваться. Тогда я пишу картины... Вспоминаю даже то, чего не было на самом деле».

* * *

«Закончил вторую картину. Я понял, почему я пишу картины. Я таким образом „вспоминаю“ нас. Когда сердце совсем уже исходит тоской по тебе, когда дергается внутри меня, готовое взорваться. Тогда я пишу картины... Вспоминаю даже то, чего не было на самом деле». (Отправлено: 6/11 15:22. Доставлено: 6/11, 15:22)

* * *

— Привет, Аво. Налей-ка мне пиво.

— Привет, Рубо-джан. Уже.

Рубик был в коричневой, основательно износившейся кожаной куртке, с неизменной сигаретой в зубах, и лицо у него было довольное, и сорокавосемилетний «Рубо-джан» выглядел двадцатипятилетним юнцом.

— Поздравь меня, я сегодня окончательно сдал книгу!

— Наконец-то!

— И не говори! В издательстве тоже сказали «наконец-то!»

И Рубик рассказал, как он долго и основательно «имел» редактора, корректора, дизайнера, автора предисловия и всех, кто под руку попался.

«Поэтому и бодр!» — подумал Аво.

— Ну, слава богу!

Кафе «Сезанн», которое находилось рядом с вернисажем, на виду памятника Саянчу, у оперы, было переполнено. Нашелся только один стул в конце барной стойки, на который и уселся Рубик.

— В этом году рано похолодало. Наверное, пойдет снег, — сказал он.

— Да, — согласился Аво. — В Москве вон уже пошел. Погода у нас бывает такая же, как в Москве, с разницей в две недели.

— Это точно! Вот войдем в ТС, будет у нас не только погода одинаковая, но и все остальное. Сегодня большой митинг на площади Оперы. Еле добрался (после издательства должен был зайти в пару мест) — все дороги перекрыты в центре.

— Знаю. Ты думаешь, почему столько людей в кафе? Зашли погреться после митинга. Идиоты!

— Почему идиоты? — удивился Рубик. — Я тоже был на митинге.

— С ума сошел?! А знаешь, что я тебе скажу? Прежде чем требовать права, нужно научиться выполнять свои обязанности. Если все будут добросовестно выполнять свои обязанности, на девяносто процентов надобность в «требовании прав» исчезнет сама собою.

— Ладно. Не будем...

Помолчали. Аво сделал мохито девушке с длинным вязанным красным шарфом и такой же красной помадой и джин с тоником парню с косичкой и наколкой в виде гитары на запястье. Почему-то вдруг почувствовал себя больным. Уставшим. «Кажется, опять что-то температура поднимается», — подумал Авик.

— Эти две картины я не видел. — Рубик показал на картины, висевшие на стене, за стойкой бара. — Недавние?

— Да.

— Светлый, светлый Татевский монастырь! А что это за красное пятно?

— Все поэты ничего не смыслят в цвете! — улыбнулся Аво. — Это не красное, а терракотовое. Ну, девушка, скажем, турист, стоит и смотрит на Гавазан.

— Хорошие картины.

— Мерси.

— Как Армине? Как малыш?

— Все в порядке, Рубо-джан. Только вот, судя по всему, зарплаты моей не хватает на троих.

— Картины?

— Никто их не покупает. Хоть стой или не стой каждые субботу-воскресенье на вернисаже.

— Что же будешь делать? Решил?

— Продам машину.

— Но это же папина машина.

— А другого выхода нет.

- Понял тебя. Но ты не кисни, лав?¹²
- Я постараюсь. Дальше киснуть и невозможно.
- Что произошло еще?

Аво улыбнулся:

- Ходил к врачу.

Позавчера Авик ходил к врачу. Все чаще стало труднее дышать, все чаще темнело в глазах, все чаще стучало в висках, а иногда сердце и вовсе оказывалось в горле. Когда врач попросил поднять свитер, майку и лечь, Аво невольно улыбнулся. Опять будет искать сердце...

- Очень приглушенные удары, — сказал врач.
- Доктор, оно у меня справа... у меня situs inversus.
- Понятно...

Послали на ЭКГ, потом на УЗИ, потом на КТ, потом еще куда-то... Аво со всеми результатами вернулся к врачу. День уже заканчивался. Врач собирался уходить. Но, увидев изможденное лицо Авика, согласился посмотреть бумаги.

- Вы знали, что у вас левый желудочек расширен?
- Да. Говорили. Чуть-чуть, сказали.

— Так вот, — сказал со вдохом доктор, — теперь уже не «чуть-чуть». Гипертрофия левого желудочка. Она развивается в ответ на некоторые факторы, такие, как, например, высокое кровяное давление, которое заставляет левый желудочек работать интенсивней, и в ответ на ряд других факторов. Увеличиваются стенки камеры, которые со временем теряют эластичность и в конечном итоге перестают работать с такой же силой, как в здоровом сердце. Причины могут быть разные: высокое кровяное давление, стеноз аортального клапана, гипертрофическая кардиомиопатия, физические нагрузки, ожирение... Но у вас ни то, ни другое, ни третье, ни десятое. И я не знаю, по какой причине ваше сердце в ближайшем будущем умрет. У вас все симптомы гипертрофии левого желудочка. Одышка. Боль в груди. Учащенное сердцебиение. Головокружение. Обморок. Быстрое истощение при физической активности...

- Доктор... Что нужно делать?

— Не знаю. В тридцать лет такое не должно быть. Тем более вы не спортсмен, не грузчик и так далее. Наверное, все же виновато ваше «сitus inversus», хотя каким боком виновато, не имею никакого представления. Вы много болели в детстве ангиной?..

Рубик, послушав рассказ Авика, закурил и сразу постарел на десять лет. Допил свое пиво.

- Том знает?
- Знает.
- Армине знает?
- Нет. Я вчера ведь ходил к врачу. Пока не знаю, как сказать.
- Ясно...
- Рубо.
- Да?
- Расскажи про яблоки.
- Какие яблоки, Аво-джан?
- Ты знаешь какие. На войне.

— Я же тысячи раз рассказывал. В октябре того года мы занимали позиции на самой высокой горе, что на границе с соседним районом. Посты наши, распо-

¹² Лав (арм.) — хорошо.

ложенные на расстоянии пятнадцать-двадцать метров друг от друга, тянулись цепью по всему восточному склону этой самой горы, рядами спускаясь к подножию, где была передовая противника. Стычки и столкновения бывали почти каждый день, а особенно часто по ночам, и мы держали ухо остро и не разрешали себе расслабиться... Той ночью мне, дежурному нашего снайперского поста, ужасно хотелось спать, и было холодно, и потом вскоре пошел дождь. Он все шел и шел, попеременно то превращаясь в настоящий ливень, то вовсе затихая, хотя и не прекращался ни на секунду. Но почти всегда было непривычно тихо, и это действовало на нервы. В очередной раз, поднеся к глазам бинокль, я увидел, что снизу по склону кто-то ползет. Этот «кто-то» падал на мокрой траве, поднимался, полз дальше и снова падал. Я опустил бинокль, положил на колени автомат и стал ждать, проклиная дождь. Этого «кого-то» и тишину. Он подполз к нашему посту, остановился на расстоянии двадцати пяти метров. Я прицелился и уже приготовился выстрелить, как он закричал:

— Не стреляй, друг!

Держа в одной руке автомат, я другой поднес к глазам бинокль и стал разглядывать его. У него не было оружия, и руки у него были подняты вверх. Я крикнул ему, чтоб он проходил, но предупредил, что, если он опустит руки, я выстрелю. Он дошел до поста и прыгнул ко мне в окоп.

— Друг, дай воды. У нас вода кончилась. Нам очень нужна вода. У нас раненый.

Я отдал ему бутылку воды, не забывая при этом об автомате. Он сунул бутылку себе в карман, но продолжал сидеть, и я догадался, что он боится, как бы я не шлепнул его сзади, когда он будет уходить. Я ударил его по лицу и сказал, что если я его не убил и пропустил, когда он поднимался по склону, то в спину стрелять не собираюсь. Я не сын шлюхи какой-нибудь, как многие из его сородичей, которые стреляют в спину. Он посмотрел мне в глаза, кивнул и, выйдя из окопа, стал спускаться, прыгая с камня на камень, как козел. Я следил за ним, пока он не скрылся из виду, а потом свободно вздохнул, глотнул воды и только тогда заметил, что дождь перестал. Я был весь мокрый, но не только от дождя. Пот лил с меня. Через сорок минут вижу — тот же «кто-то», держа в руке какой-то пакет, опять ползет к нашему посту. Снова подойдя на расстояние двадцати пяти метров, он остановился:

— Друг, я принес яблоки и хочу, чтоб мы вместе покушали.

— Если ты меня еще раз назовешь другом, я тебя пристрелю, — сказал я.

Мы стали есть яблоки, разговаривать, а потом он ушел. И после этого ни он, ни я не стреляли друг в друга, а однажды в мое отсутствие (я ездил в штаб за почтой) он принес мне сигареты. Ребята посмеивались надо мной, но все понимали, и проблем у меня не было. Спустя месяц его убили. Странное было чувство в душе, когда я узнал об этом. Он был враг, и, как врага, мне не было его жаль, но было что-то другое, не знаю что. Просто я думал, что пока он есть там, на чужой стороне, со мной ничего не случится. Ведь я знал, что он в меня стрелять не будет, а это неплохо знать, что кто-то из противника не задался целью выпустить в тебя обойму. Но вот его убили, и уверенность в том, что со мной ничего не случится, исчезла. Я так и не узнал его имени, а он не узнал моего. А через неделю после того, как его убили, ранило меня, и я до сих пор считаю чудом, что остался в живых.

— Очень странный рассказ, Рубо.

— На войне всегда бывает странно, Аво-джан, — ответил Рубик. Теперь он выглядел стариком.

«Старик... Разве что не седой», — подумал Аво.

* * *

«У твоего любовника большое сердце. Но там место только для тебя!» (Отправлено: 15/11, 18:47. Доставлено: 15/11, 18:47)

«Обожаю твое большое сердце! Спокойной ночи, милый!»

* * *

Аделька написала эсэмэс: «Обожаю твое большое сердце! Спокойной ночи, милый!» А потом снова подошла к фуршетному столу, взяла второй бокал с шампанским, кусок банана на деревянной палочке и стала бесцельно ходить от одной группы к другой, третьей, четвертой, пятой, десятой. В зале было очень жарко, и не верилось, что за окном уже настоящая зима. Зал был переполнен писателями, поэтами, критиками, издателями, литагентами, толстожурнальными, тонкожурнальными, всякой масти и всякого калибра, депутатами, олигархами, художниками, актерами, певцами, телевизионщиками... Молодые «ловили» старых, малоизвестные терлись рядом с известными. Казалось, весь этот бомонд — одна сплошная охота. За удачей. Только вдруг они все показались Адельке мертвыми. «Мертвячина», — подумала она. А потом услышала позади себя:

— Ада! Ада Максимова! Вы стали еще красивее, хоть это и кажется невозможным!

— Федор Сергеевич! Здравствуйте! Я не знала, что и вы тут.

— Тута я, тут! Как же вы и ваш пятилетний журналчик обойдетесь без меня?! — Старик неприятно рассмеялся. — Кстати, поздравляю и вас, Ада, с днем рождения вашего журнала. Вы прекрасный фотохудожник. Вы не хотите выпустить книгу? Это, кажется, будет второй альбом ваших работ?

— Не скоро. Вы же знаете, Федор Сергеевич. Я долго вынашиваю выставки, альбомы в себе. По нынешним меркам, я слон... Беременность длится до двух лет. Но я работаю над новым альбомом. Я не люблю рассказывать о своей кухне.

— И правильно делаете, Ада. Но мне-то, старику, все же скажете?

— Ну, хорошо. Это будет альбом об Армении. Только никому, Федор Сергеевич!

— Слово пионера! Кстати, вы не видали моего пацанчика?

Адельке очень захотелось знать, что она не покраснела.

— Сережи еще нет, Федор Сергеевич. Но, думаю, он обязательно будет.

Старик кивнул и, опираясь на трость, прихрамывая, ушел прочь. К Адельке подошла одна из подруг — незамужняя.

— Чего хотел старик?

— Сергея искал.

— А где он?

— Не в курсе.

— Старик стал совсем плох, — сказала подруга. — Видать, мало ему осталось.

— Да, — согласилась Аделька. — Сергей очень переживает. Старик серьезно болен.

— Ты знаешь, что в Москве уже начинают поговаривать о вас с Сережей?

— Плевать. Не хочу ничего знать, ни о чем думать. Вообще не хочу думать.

— А армянин?

— Отстань! — Аделька осушила бокал. — Хватит меня пилить.

— Совсем нет, дорогая. Почему же пилить? Ты разведенка, а это хорошая партия, как бы сказали в позапрошлом веке. Сергей известен, при деньгах. Да еще — сын Федора Сергеевича! Твое будущее обеспечено.

— Злая ты все же.

— Да нет же! — сказала спокойно незамужняя подруга. — Я тебя люблю. И рада за тебя.

— Ну, чему ты рада?! Ничего нет, пойми!

Подруга ехидно рассмеялась:

— Жених и невеста, жених и невеста!

— Ну и дура же ты!

Аделька отошла к окну и стала смотреть в зиму. А потом вздрогнула, услышав рингтон о получении эсмэс:

«Я немного опоздаю. Целую. Папаша там?»

«Тут. Приезжай скорее».

Situs Ambiguous¹³

* * *

Звезды были и наверху и внизу. С той лишь разницей, что наверху они были беспорядочно рассыпаны (во всяком случае, пока не был понятен изначальный Замысел и в нем не угадывался еще Порядок), а внизу они были собраны в группы, и даже порой казалось, что они расчерчены линейкой на квадратики. Самолет был ближе к небу, чем к земле, и ты понимал, что одиннадцать тысяч метров вовсе не шутка. Оживление, вызванное тем, что стюардессы подали еду и напитки, постепенно утихло, и многие пассажиры, откинув спинки сидений, начали пассивно переваривать куриные крылышки, гречку и кексикки — засыпать.

Аво ни о чем не думал. Вернее, так казалось ему. Он убедил себя в том, что просто прислушивается к гулу двигателей да считает «ямы», в которые самолет то и дело попадал. На самом деле мысль то уносилась вперед, и он начинал моделировать и конструировать будущее («Не забыть сразу же в Домодедово купить карточку „Билайн“», «Как бы помягче сказать встречающему его Карену, что он, Аво, не поедет с ним домой — но тот пускай отвезет чемодан, — а должен зайти в одно место, увидеть кое-кого»), то устремлялась прочь в прошлое, перемалывая снова и снова последние дни.

* * *

— Поговорим?

— Поговорим. Что-то стряслось?

— Нет, конечно. Ничего. Ты когда заканчиваешь сегодня?

— Как обычно, Том. К полуночи.

— Хорошо, Аво. Я подожду. Налей мне пива, пожалуйста. Я сяду за столик. Не буду тебе мешать.

Посетители приходили, уходили. Уборщица, тетя Нора, не успевала чистить шваброй пол — снег с сапогов посетителей таял и превращался на полу в черную грязную жижу. Он все еще продолжал идти мелкой колючей крупой, когда Товма и Аво вышли из «Сезанна» и пошли к машине Товма — во двор дома напротив. Том сказал, что Аво должен поехать в Москву и нормально обследоваться. Что в Ереване никогда не сумеют поставить правильный диагноз.

¹³ В редких случаях встречается неопределенное положение внутренних органов, которое называется *situs ambiguus* (Википедия).

— Если надо, то и полечиться, — сказал Том.

— Но у меня нет денег на Москву. Это нереально.

Когда они сели в машину и поехали, Том достал из внутреннего кармана куртки бумажный сверток и отдал Аво.

— Бери вот. Тут деньги. Рубик и я собрали. И еще билеты в Москву «туда-обратно» — у меня же есть скан твоего паспорта, помнишь? Деньги — для обследования и на разные расходы. Должно хватить. Будешь жить у Карена. Мы с ним уже поговорили. Потом подумаем, как быть дальше. Это уже смотря, что скажут врачи.

Авик запротестовал, сказал, что ни за что не возьмет деньги, что он себя вполне нормально чувствует, что не сможет надолго оставить Армине и ребенка, что ему надо зарабатывать деньги...

— За семью не беспокойся, — сказал Том. — Мы присмотрим.

— Но так ведь нельзя! Вы даже не спросили меня!

— Можно, братик, — спокойно сказал Товма. — Надо узнать, что с твоим сердцем. Оно у тебя умирает... Ты сказал Армине о сердце?

— Нет...

— О, ты до такой степени эгоист?

— Прости? Эгоист, потому что не хочу, чтоб она волновалась?

— Да. Ты эгоист, Аво!

Ночью же было вовсе трудно. И Аво по-прежнему не сказал Армине ничего о сердце.

— Том и Рубо купили мне билеты, чтоб я полетел в Москву — договариваться о выставке.

— Ура! — обрадовалась Армине. Она заметно пополнела за последнее время, и Аво уже знал, что к концу весны у него родится второй сын. — Выставка будет! Это прекрасно! Какие же молодцы Том и Рубо!

— Конечно! Вот такие у меня друзья! — А сам вспоминал: «Ты эгоист, Аво!»

* * *

Теперь самолет летел в сторону Москвы, проваливаясь в ямы, перешагивая через паутины городов, и Аво ждал рассвета. И дождался-таки. И это было удивительно видеть, как на небе, там, на востоке, уже светает, а на земле пока еще господствует ночь. Рассвет всегда начинается с неба, потому что солнце сначала появляется на небе, потом уже на земле, — подумал он. И решил когда-нибудь написать такую картину — рассвет с иллюминатора самолета. На картине будет свет на небе, и будет ночь на земле...

Когда самолет уже стал снижаться — как будто по лестнице, ступенку за ступенькой, — а потом и уже пошел на посадку, Аво решил, что Адельке он ничего не скажет о болезни сердца. Пускай не волнуется. Как и Армине. Незачем женщинам беспокоиться из-за его глупого сердца. Просто когда-нибудь оно перестанет биться. Пускай это будет неожиданно. Когда неожиданно — всегда хорошо.

* * *

— Привет! Меня зовут Аветис. Авик. Аво. Я... художник.

— Здравствуйте! Меня зовут Аня. Я секретарша. Очень приятно. А вам кого?

— Адель... Аду Максимову... Она фотограф...

— А-а-а! Так они в соседней комнате сидят.

— Спасибо!

А потом, открыв дверь в другую комнату:

— Привет... Я приехал... Прилетел... — Потом всем в комнате: — Здравствуйте.

Адель почувствовала сначала, что у нее отнялись ноги, потом с удивлением обнаружила в себе способность вставать. И лицо исказилось в какой-то непонятной улыбке. Такой улыбкой обычно сдерживают рыдание.

— Ты? Ты?! Ты! Привет, Аво... Как ты меня нашел? Это мой друг! Из Армении! Познакомьтесь! Он художник! Он друг моего друга, к которому я поехала в Ереван в сентябре...

Шеф встал и пожал руку Аво:

— Очень приятно. Друг нашей Адочки — наш друг. Аделька, вы можете свободно располагать своим временем. И сегодня вы можете уже уйти, если хотите. Ведь к вам приехал друг из Армении! — и, сняв круглые, старомодные очки, стал платком протирать стекла.

Когда спускались на лифте, Аделька все время поворачивалась и смотрела на Авика — пожалуй, похудел еще больше, стал острее, тоньше, хотя, казалось, куда же больше.

— Ты помнишь, что я не знаю Москву? — Авик все время улыбался. — Где мы посидим?

— Пойдем, пойдем! Я покажу! Ты будешь удивлен! Там сплошные пластилины!

В кафе они много разговаривали, прерываясь лишь на то, чтоб заказать еще что-нибудь. Говорили захлеб, перебивая друг друга, дополняя, понимая и схватывая на лету, словно старались успеть дорассказать то, что не имели возможности рассказать до этих пор, потому что невозможно *так* говорить по чату в Интернете, ибо не видишь глаз. Хотя... Теперь им казалось, что они и не расставались вовсе. Как будто не было этих месяцев разлуки. Так ведь всем влюбленным кажется, что ли...

Когда, проводив Авика до станции метро «Чистые Пруды», Аделька вернулась в редакцию журнала, она, уже готовая слышать колкости и пошлости шефа в связи с «армянским другом» (а он почему-то молчал), взяла телефон и написала эсэмэс: «Серез, сегодня я заканчиваю пораньше. Можешь заехать за мной в пять. Целую».